

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 12–20, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-12-20
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)

Kalmyk-Tibetan Relations at the Turn of the 17th and 18th Centuries

Vladimir T. Tepkeev¹, Vladimir P. Sanchirov²

¹ Ph. D. in History, Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: tvt75@mail.com.

² Ph. D. in History, Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kigiran@mail.ru.

Abstract

The article deals with an episode in the history of Tibetan-Kalmyk relations at the turn of the 17th and 18th centuries. Galdan Boshugtu Khan's death and the 6th Dalai Lama's formal assumption of political power in Tibet in 1697, arrival of Arabjur's mission in Lhasa in 1698 — all these events like links in a chain caused the Tibetan-Kalmyk negotiations aimed to discuss the possibility of the Kalmyks' resettlement from the Volga to the Kokonor (Qinghai) region for the protection of Tibet from Manchu aggression. The available sources — though numerous enough — do not clarify the reasons for the contacts and urgent endowment of the title of 'Khan' alongside with the corresponding signet to the Kalmyk ruler. However, the circumstances and miserable consequences that shaped the dramatic fate of the 6th Dalai Lama and that of Sangye Gyatso clearly identify the vector of development of Tibetan-Kalmyk relations during the period under consideration.

There is no doubt that it was *Desi* Sangye Gyatso who conducted Tibet's foreign policy on behalf of the young 6th Dalai Lama and, thus, acted as the initiator of the secret agreement. The endowment of the title 'Khan' to Ayuka (Ayushi) by the Buddhist clergy was supposed to contribute to the soonest implementation of the idea. As for Ayuka himself, this could open a prospect of becoming not only a "Dharma protector" but rather — the leader of a unified Oirat state.

The main obstacle for implementing the idea was that the then Kalmyk community was disintegrated enough which was aggravated by the centrifugal processes, namely the mass resettlement of Kalmyks to the Don River region. These very circumstances as well as the reluctance of the Kalmyk elites to leave eastwards undermined Ayuka's determination to move beyond the Russian borders. The idea of returning to the ancestral lands was finally supported by his eldest sons, with Sanjab being the main inspirer. The 1701 conflict was also caused by the struggle for power within the ruling family and resembled an attempted "palace coup". In its aftermath the mutineers faced the resistance of that part of the Kalmyk elites who strongly opposed to leaving eastwards. The lack of a clear action plan, open siding with Ayuka of most influential *taishas* (noble chieftains) and strenuous support for him from the Tsarist government finally resulted in the defeat of the mutineers. A part of them headed by Chakdorjab reconciled with Ayuka while the others headed by Sanjab chose to completely sever relations and left for Dzungaria. Still, the author concludes that their ultimate destination point was not Dzungaria but rather — the highlands of Tibet revered and worshipped by the Buddhist believers.

Keywords: Tibet, Kalmyks, Ayuka, 6th Dalai Lama, Dzungaria, Kalmyk Khanate, Tibetan-Kalmyk relations.

Интерес к истории тибетско-калмыцких отношений, особенно на начальном этапе, вполне закономерен. На рубеже XVII–XVIII столетий между Калмыцким ханством, расположившимся на берегах Волги, и, казалось бы, далеким и загадочным Тибетом сложился своего рода кратковременный политический альянс с далеко идущими планами. Данное событие никогда целиком не рассматривалось в историографии, поскольку разные звенья этой истории изучались в отдельности. Поэтому цель данной статьи — рассмотреть все обстоятельства калмыцко-тибетских переговоров на предмет установления политического союза на рубеже XVII–XVIII вв.

Начало установления отношений между волжскими калмыками и Тибетом можно отнести к первой половине XVII в., и связано оно в первую очередь с именем одного из основателей Калмыцкого ханства — торгутским Шукур-Дайчином. Проповедник Индзан-хутугта, являвшийся одним из идейных вдохновителей знаменитого монголо-ойратского съезда 1640 г., был первым представителем тибетской стороны, посетившим калмыцкие кочевья. Произошло это в 1637 г. Шукур-Дайчин впервые побывал в 1643 г. с паломнической миссией в Лхасе, о чем сохранились сведения в некоторых источниках, и, возможно, он принял участие в религиозной войне на стороне школы *Гелугпа*. В 1645 и 1655 гг. калмыцкие кочевья посетил знаменитый хутугта Зая-пандита, чем весьма укрепил новое религиозное учение среди кочевников.

К середине XVII в. в Тибете сложилась ситуация, когда перед лидерами буддийских школ остро встала необходимость поиска внешней поддержки в политической борьбе друг с другом. Начиная со второй половины XV в. основными противоборствующими религиозно-политическими объединениями стали школы *Карма-Кагью* и *Гелугпа*. В 1630-х гг. с приходом в Кукунор халхаского Цогту-тайджи (1581–1637) в районе значительно усилилось влияние школы *Карма*. Осознавая угрозу, лидеры *Гелугпа* были вынуждены искать поддержку у ойратских князей, которые придерживались учения Цзонхавы [Пагсам-Джонсан 1991: 46]. Хошутский Гуши-хан (1582–1654) возглавил объединенное ойратское войско и в 1637 г. захватил Кукунор, считавшийся своего рода «воротами в Тибет». Побывав в Лхасе в качестве паломника, он получил от Далай-

ламы V Нгаван Лосанг Гьяцо (1617–1682) титул «Дхармараджа, поддерживающий религию». В 1642 г. Гуши-хан овладел Шигадзе, объединив таким образом Тибет. Далай-лама V был признан светским и духовным правителем Тибета, а хошутский правитель был провозглашен «Царем Тибета» [Солощева 2014: 47, 48].

Существенно изменило положение дел в Тибете выдвижение религиозного лидера на первый план в результате оттеснения от светского управления хошутских князей. После смерти Гуши-хана в 1656 г. его преемники были поглощены внутренними распрями, что значительно ослабило их позиции в Тибете вплоть до начала XVIII в. Свидетельством тому может служить факт самостоятельного назначения Далай-ламой на должность *дэси* («премьер-министра») в 1660 г. Гринпел Гьяцо, в 1669 г. — Лосанг Тутоб и в 1679 г. — Сангье Гьяцо. Однако формально Тибет оставался включенным в состав владений, которые управлялись сыновьями Гуши-хана. Если до 1660 г. Даши-батур и Даян-хан правили Тибетом совместно, то в 1660 г. они поделили наследие отца: Центральный Тибет перешел во владение Даян-хану, а Даши-батуру достался Кукунор. После смерти Даян-хана в 1670 г. влияние хошутов в Тибете еще более ослабло, но номинально правителем Тибета оставался сын Даян-хана — Далай-хан вплоть до своей смерти в 1700 г. [Кычанов, Мельниченко 2005: 74].

После объединения Тибета Гуши-хан передал бразды правления духовному лидеру Далай-ламе V, который, сосредоточив в своих руках религиозную и светскую власть в стране, практически стал ее единоличным правителем. Благодаря своим личным качествам и успешной деятельности как в политической, так и религиозной сфере на территории Восточной Азии, Нгаван Лосанг Гьяцо вошел в историю как «Великий Пятый» [Солощева 2014: 55].

Действительно, политическая стабильность в Тибете во второй половине XVII в. во многом обеспечивалась авторитетом Далай-ламы V, который имел сильное влияние не только на тибетцев, но и на ойратов, монголов и маньчжуров. Однако внезапная кончина духовного лидера в 1682 г. привела к тому, что *дэси* Сангье Гьяцо в течение пятнадцати лет скрывал факт его смерти, управляя от его имени Тибетом. Все это объяснялось стремлением Сангье Гьяцо не только

поддерживать в Тибете спокойствие, но и продолжать активно участвовать в международных делах. Особенно это проявилось в военном конфликте между джунгарским Галдан Бошогту-ханом и монгольско-маньчжурскими армиями. Так, джунгарско-монгольский конфликт в 1686 г. был временно улажен после вмешательства Лхасы по просьбе цинского императора [Ермаченко 1974: 86].

Согласно китайским сведениям, в ходе военных действий джунгарский правитель ссылался на поддержку Далай-ламы. Ситуация с утаиванием факта смерти Далай-ламы V прояснилась только после поражения Галдана Бошогту-хана в 1696 г. Когда Сангье Гьяцо в 1697 г. официально объявил о смерти Далай-ламы V, это вызвало гнев императора Канси, который прямо обвинил регента Сангье Гьяцо в фальсификации слов духовного лидера. Император также обвинил его в том, что тот препятствовал поездке в Пекин Панчен-ламы, приглашенного императором. Однако, несмотря на это, Канси все-таки направил для участия в церемонии интронизации Далай-ламы VI Цаньяна Гьяцо официального представителя — Джанджа-хутухту Нгаван Лосанг Чойдэна (1642–1714) [Солощева 2014: 55, 56].

После смерти Далай-ламы V в Тибете остро встал вопрос о власти. Временное управление страной регентом, притязание на полноту власти хошутских князей, унаследовавших титул «царя Тибета» от Гуши-хана — все эти вопросы должен был решить выбор нового Далай-ламы, титул которого передавался не по наследству, а по линии перерождений. В 1685 г. по тайному распоряжению *дэси* были организованы поиски перерожденца, увенчавшиеся успехом. В воспитании Цаньяна Гьяцо, признанного Далай-ламой VI, регент Сангье Гьяцо принимал самое активное участие, фактически прибрав к рукам всю политическую власть в стране. Далай-лама VI рос своевольным юношей, гораздо больше времени посвящая поэзии, стрельбе из лука, вину и женщинам, нежели религиозным занятиям или делам управления Тибетом [Солощева 2014: 57].

Утратив доверие со стороны маньчжурского императора, Сангье Гьяцо обратил все свое внимание на далекого правителя волжских калмыков — Аюку. Примерно в начале 1698 г. от него в Лхасу прибыло внушительное посольство во главе с Арабджуром, сыном Назар-Мамута и двоюродным

племянником Аюки. По всей видимости, известие о провозглашении Цаньяна Гьяцо Далай-ламой VI в 1697 г. дошло до берегов Волги, и Аюка поспешил отправить в Тибет свои поздравления со столь знаменательным событием. Арабджур прибыл в Лхасу со своей матерью, сестрой и с улусом, насчитывавшим примерно 500 человек. Они прибыли туда с долгосрочной миссией, поскольку задержались в столице Тибета на четыре года, в течение которых совершали всевозможные паломничества и делали подношения крупным монастырям — Брайбун, Сэра, Галдан и др., побывали на аудиенции у Далай-ламы во дворце Потала и молились о ниспослании им благополучия [Борджигид Дорги 2009: 154].

По поводу истинных намерений миссии Арабджура в Тибете у российских исследователей сложилась определенная гипотеза. По мнению известного синолог В. С. Мясникова, на рубеже XVII–XVIII вв. ситуация в Центральной Азии изменилась настолько, что у правителей Калмыцкого ханства возникла потребность в получении достоверной информации о взаимоотношениях и планах руководителей Тибета, Джунгарского ханства и Цинской империи [Русско-китайские... 1978: 17, 18]. Е. Л. Беспрозованных прямых доказательств разведывательной деятельности в паломнической миссии Арабджура не видит. Но, учитывая многочисленность его представительства и длительный срок пребывания в Тибете, он считает, что миссия Арабджура могла бы доставить в Калмыкию массу интересной информации [Беспрозованных 2008: 64].

Однако у калмыков разведывательная деятельность была прямой обязанностью посольских и торговых миссий независимо от страны пребывания, поскольку от этого напрямую зависела безопасность кочевий. Очевидно, что смерть джунгарского Галдана Бошогту-хана в 1697 г., с которым у Аюки были очень натянутые отношения, открыла прямую дорогу в Тибет. Цэван-Рабдан на начальном этапе отношений вполне миролюбиво относился к калмыцкому правителю, который, возможно, также приложил усилия к приведению к власти в Джунгарии молодого князя.

Ответное посольство от Далай-ламы VI и Сангье Гьяцо к Аюке было отправлено сразу же. Невольным свидетелем их приезда на Волгу стал дворянин Заманов, который в начале ноября 1698 г. по поручению

боярина Б. А. Голицына прибыл к Аюке, кочевавшему с улусом в урочище Сасыколь. При встрече Аюка демонстративно посадил русского посланника возле себя, где также сидели и посланцы Далай-ламы — хошутский Торба и «иные новые митрополиты по их вере», приехавшие буквально за день [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 55].

К сожалению, нам не известны все подробности калмыцко-тибетских переговоров, и в русских документах они, по понятным причинам, не отложились. Но дальнейшие события отчетливо показывают, насколько сильное влияние на внутривосточную ситуацию в Калмыцком ханстве оказал приезд тибетских послов.

Из письменных сообщений Аюки видно, что с 1699 г. в его письмах начинает встречаться вторая печать. Отсюда можно сделать вывод, что посольство Далай-ламы VI пожаловало калмыцкому правителю ханский титул и печать. В. М. Бакунин сообщает: «Да и от Далай-ламы первый он испросил себе около 1690 года титул ханский» [Бакунин 1995: 26]. Но нам известно, что Далай-лама V скончался в 1682 г., а Далай-лама VI взошел на престол только в 1697 г. Таким образом, в 1690 г. на престоле в Лхасе не было никакого духовного лидера, который мог бы взять на себя обязательство даровать кому-либо ханский титул. Однако возникает вопрос о происхождении и принадлежности Аюке первой печати. Самое раннее письменное свидетельство калмыцкого правителя, где встречается первая печать, датируется 1685 г. [Тепкеев, Нацагдордж 2016]. При этом мы не можем однозначно утверждать, что оно было самым ранним, поскольку в российских архивных фондах не сохранились письма Аюки 1670-х — начала 1680-х гг. К сожалению, из-за отсутствия более ранних письменных свидетельств Аюки не представляется возможным отследить точную датировку появления первой печати. Если предположить, что она была дарована ему Далай-ламой V, то выяснить, при каких обстоятельствах это произошло, не позволяет все то же отсутствие источников.

Зимой 1698 / 99 года началась массовая откочевка калмыцких улусов в восточном направлении. Причина откочевки столь большого количества калмыков, по всей видимости, была связана с отбытием прибывшей от Далай-ламы осенью 1698 г. духовной миссии из Тибета и ее обратного

отъезда. Во всяком случае, остается непонятным истинное намерение Аюки: был ли это окончательный уход с Волги на восток или он всего лишь сопровождал духовную миссию до дальних кочевий.

Первым, кто забил тревогу и сообщил об откочевке Аюки, был дербетский тайша Менке-Темир, который 24 февраля 1699 г. прислал посланца Цецен-Заргучи в Царицын с сообщением, а уже 2 марта этот тайша с братом Черкесом и Дюдюлем лично встретились с царицынским воеводой Ильей Протопоповым, которого уведомили об откочевке Аюки за Яик [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 1, 2]. Правда, уже в октябре 1699 г. Аюка в своем письме в Москву подчеркивал, что он не изменял государю, а свой отход за Яик рассматривал как реакцию на бегство калмыков на Дон, «чтобы иные не бегали». Другой причиной послужила смерть его супруги, чей прах он «послал в Баранталу погостить и ее провожал». После этого, с его слов, он вернулся обратно к Волге [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1, 2].

О перипетиях тибетской миссии на обратном пути нам становится известно из письма Чакдорджаба к Б. А. Голицыну. Молодой тайша также отправил своих людей «для мольбы» в Тибет, но по дороге эта миссия была разгромлена казаками и каракалпаками, разграблена казна, отправленная Далай-ламе. Чакдорджаб просил в помощь 10 тыс. царского войска с артиллерией для карательного похода [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 12].

Сведения об откочевке Аюки на восток, предоставленные в Царицыне Менке-Темиром, сложно подвергнуть сомнению, несмотря на заверение Аюкой царской стороны об отсутствии у него подобных планов. Со всей уверенностью можно утверждать, что дербетский тайша был посвящен в заговор старших владельцев Калмыцкого ханства, иначе вряд ли бы он пошел на такой откровенный демарш, понимая, насколько серьезными могли быть для него последствия. Единственное, что Менке-Темир не предусмотрел, это возвращение Аюки на Волгу и его отказ, пусть и на время, от плана откочевать на восток.

Несомненно, Аюка колебался, как и большинство представителей калмыцкой аристократии. Нельзя забывать, что к концу XVII в. на Волге родилось уже несколько поколений калмыков, не представляв-

ших для себя какую-либо другую родину. Несмотря на сложную конфликтогенную ситуацию на юге России и постоянные вооруженные столкновения с соседними народами, для большинства калмыков Волга продолжала оставаться родным домом и «матерью-кормилицей». Покинуть навсегда эти земли означало обречь себя на дальнейшую неизвестность и неопределенность. С другой стороны, идея стать возможным «защитником веры» воспаляла умы и религиозные чувства многих представителей калмыцкой элиты.

В 1701 г. в Калмыцком ханстве вспыхнул мятеж Чакдорджаба, Санджаба и Гунделека, в результате которого хан Аюка был взят под стражу и отправлен в Тибет. В своем письме саратовскому воеводе от 30 августа Чакдорджаб так объясняет сложившуюся на тот момент ситуацию: отец в сопровождении супруги Гунджаба «поехал богу молитца за Китай» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11]. По всей видимости, сыновья отправили отца в Тибет, чтобы затем самим с улусами двинуться за ним.

Но вскоре Аюка дал о себе знать, когда 4 сентября прислал в Саратов Шимурата. По его сведениям, Чакдорджаб совершил нападение на отцовский улус в конце августа «и велел своим улусным людям всех отбить прочь, и взял к себе с силою и конные и скотину ево Аюкины табуны побрал, а ему де Аюкаю тайше конских табунов и скотину дал самое малое число и послал де ево Аюкаю тайшу неволею за Яик и велел ему, Аюкаю тайше, ехать к богомолью в Зов». Аюка через Шимурата передал Новосильцеву, что находится в Яицком городке и желает «служить по прежнему». В его распоряжении были только 500 человек, которые пошли за ним «с своею охотою», так как Чакдорджаб людей ему не дал [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11, 12].

Конфликт Аюки с сыновьями разделил верхушку калмыцкого общества практически на два лагеря. Но постепенно от Чакдорджаба стали отходить некоторые владельцы. В начале февраля 1702 г. от него ушел на Дон дербетский тайша Черкес и присоединился к кочевавшему там брату Мунко-Темиру. По сообщению Черкеса, главными инициаторами («пущими заводчиками») ухода на восток были тайши Назар-Мамут и Бонба, которые владели многочисленными улусами. В самом улусе Чакдорджаба сторонниками ухода были владельцы Даин

Кашка и Ансыр Тарсухай, «потому что они от них воровства много к Аюке тайше и к сыну его Гунжепу» [цит. по: Батмаев 1977: 48].

Вскоре конфликт разрешился мирным путем, и Чакдорджаб помирился с отцом. Однако Санджаб с 15 тыс. кибиток откочевал в Джунгарию. Когда он прибыл в Джунгарию, то хунтайджи задержал Санджаба и отослал его к отцу со следующими словами: «Этот твой глупый неразумный сын увел твоих несчастных подданных (албату), чтобы отдать на попечение халха-монголам. Я, услышав об этом, перехватил его по дороге и отправил к тебе. Вообще-то, если сравнивать, то я отправил его к тебе подобно тому, как задержавший вора забирает себе его лошадь, а самого вора доставляет [к тому, у кого он ее украл]. [Так что] справедливо то, что я забрал себе твоих подданных, как если бы это была лошадь с потником» [История Хо-Урлюка 2016: 30].

Из вышеизложенного источника мы видим, что конечным пунктом откочевки Санджаба все-таки была не Джунгария, а более восточный район — возможно, Кукунор или Тибет. Вспомним, что Аюка в своем письме к Б. А. Голицыну от 3 сентября прямо указывал: «Сын мой улусы мои взял и у Боронталу сиречь с правую сторону пошел» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 2]. Понятно, что под «Боронталой» он имел в виду Тибет. Поскольку путь туда пролегал через Джунгарию, миновать хунтайджи Санджаб никак не мог, чем и воспользовался Цэван-Рабдан, забрав у него все кибитки.

В приложении к донесению сибирского губернатора А. Плещеева и его помощника П. Бутурлина в Секретную экспедицию Сената 1735 г. сообщается об уходе Санджаба и положении торгутов в Джунгарии. Основывалось оно на показаниях выходца из Джунгарии — 45-летнего торгута Церена-Кашки, ранее бывшего во владении Аюки-хана, но при уходе Санджаба в малолетстве вывезенного с Волги в Джунгарию. С его слов, Санджаб за несколько лет до 1701 г. побывал в джунгарских владениях, когда сопровождал свою сестру-невесту ко двору хунтайджи [Русско-джунгарские... 2006: 70]. Следовательно, Санджаб, представляя интересы знати волжских калмыков, по всей видимости, имел какие-то сепаратные переговоры с Цэван-Рабданом о возможности их откочевки в Джунгарию. Можно предположить, что он приехал уже убеж-

денным сторонником ухода калмыков с Волги — приняв самое деятельное участие в заговоре против Аюки, затем не пошел на примирение с отцом и со своими сторонниками откочевал в Джунгарию.

О конфликте Цэван-Рабдана с Санджабом, который привел к высылке последнего на Волгу, Церен-Кашка сообщал следующее: «А как оной Санжип дошел до местечка Чарку-Бану — и послал он к китайскому хану от себя посла. А для чего оной Санжип посылал посла, того за малолетством не упомяну. Токмо слышал я от своей братьи, что китайская сила шла на контайшу, и я де пойду з другую сторону на контайшу и хотели взять ево, контайшу, во владение, и хотели ево, контайшу, разорять, сообщась с китайскою силою. И оной контайша, уведав про того посла, что пошел в Китай от Санжипа, и соглашающа, и для того оной контайша писал к нему, Санжипу, чтоб иттить на Казачью орду и потому писму и съехались они в местечке Бемчагам. И за такую ево злобу взял ево, Санжипа, и отослал к отцу ево возвратно, а людей ево семнатцать тысяч взял к себе и роздал по рукам» [Русско-джунгарские... 2006: 71].

Таким образом, данные сведения нам еще раз дают основание утверждать, что конечной целью откочевки Санджаба была все-таки не Джунгария, а более восточный регион, в непосредственной близости от священных мест Тибета, возможно, в пределах Цинской империи. Прошли ли на самом деле переговоры Санджаба с маньчжурами или нет, точно сказать нельзя, но приход в Джунгарию от 15 до 17 тыс. калмыков, конечно, очень серьезно усилил позиции джунгар в регионе и позволил им и дальше еще какое-то время противостоять цинской экспансии на запад. Кукунорское ханство в это время уже находилось в зависимости от маньчжурского богдыхана.

Известие о калмыцко-тибетских переговорах и попытке реализации идеи переселения волжских калмыков в северный Тибет, по всей видимости, дошло и до хошутского правителя Лхавсан-хана, что, скорее всего, и стало одной из причин разгоревшейся в это время в Тибете борьбы за власть между ним и Сангье Гьяцо. Недовольство хошутов и маньчжуров, а также ухудшение отношений с Далай-ламой VI вынудили регента в 1703 г. уйти в отставку. Однако Сангье Гьяцо продолжал закулисно управлять тибетской администрацией. О вражде Лхавсан-

хана, который претендовал на всю власть в Тибете, с регентом свидетельствуют китайские источники, в которых упоминается попытка Сангье Гьяцо отравить хошутского правителя. Все это закончилось тем, что в 1705 г. политическое противостояние переросло в вооруженное столкновение. Бывший регент потерпел поражение и был казнен. Лхавсан-хан при поддержке цинского двора, с которым он вел переписку, объявил Цаньяна Гьяцо «фальшивым» Далай-ламой. Не получив поддержки от высших религиозных авторитетов Тибета, Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен и отправлен в ссылку. Он умер по дороге в Пекин 14 ноября 1706 г.

Невольными заложниками этой ситуации оказались калмыцкий тайша Арабджур и его улусные люди. Прожив в Лхасе целых четыре года, в 1703 г. Арабджур двинулся с улусом из Тибета в Кукунор, где посетил храм Алтан-хийд [Борджигид Дорги 2009: 154]. Однако вернуться домой на Волгу через Джунгарию, ввиду осложнившихся калмыцко-джунгарских отношений, он был не в состоянии. Остаться на Кукуноре он, по всей видимости, тоже не мог, поскольку их миссия в Тибет вызывала серьезное подозрение у хошутского хана. Только этим и можно объяснить их скорый выезд из Кукунора в пределы провинции Ганьсу Цинской империи.

Позиция цинской стороны по этому делу изложена в письме императора Юн-чжэна калмыцкому хану Аюке. В нем, в частности, сказано: «Сын вашего [подданного] Назар-Мамута Арабджур вместе со своей матерью прибыл в Тибет на богомолье. Когда он стал возвращаться, то не смог проехать [через Джунгарию], так как Цэван-Рабдан перекрыл ему дорогу. Я же, сочувствуя ему, выяснил его положение, удостоил его высокой чести, пожаловал ему высокий титул бэйсэ и, постоянно милостиво наставляя его, отвел ему кочевья для его пропитания. А также я собрал и взял на иждивение всех учеников лам [факультета] Гоманг» [цит. по: Борджигид Дорги 2009: 154].

В 1704 г. по приказу императора Энхэ Амгалана (Канси) Арабджур отвели кочевья в местности Сэртэн, где он с 500 воинами нес караульную службу на западной границе империи от возможного вторжения джунгар. Позже он с сыновьями перебрался в долину реки Эцзиней-гол, окончательно там обосновавшись. В 1716 г. тайша Араб-

джур скончался [Борджигид Дорги 2009: 154–156].

Официальные причины, выдвинутые Пекином, выглядят не более чем отговорками. По мнению В. С. Мясникова, Арабджур стал заложником и возможным ставленником цинского двора в будущих политических комбинациях [Русско-китайские... 1978: 17, 18]. Дополнительной причиной для задержания миссии Арабджура, как считает Е. Л. Беспрозванных, могло стать стремление маньчжуров скрыть от калмыков ту неприглядную роль, какую сыграл император в свержении и убийстве Далай-ламы VI [Беспрозванных 2001: 15]. Большинство исследователей все-таки считает, что задержание Арабджура было связано с ухудшением джунгаро-китайских отношений.

Покончив с политическими противниками в Тибете, Лхавсан-хан организовал поиски нового перерожденца и в 1708 г. объявил, что в Литанге найден «настоящий» Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо. Нового духовного лидера признали Панчен-лама V и цинский двор. В 1709 г. по указу императора Канси Нгаван Еше Гьяцо была дарована печать Далай-ламы VI. Однако среди тибетского населения он не пользовался авторитетом ни как религиозный деятель, ни как политик [Солощева 2014: 57, 58].

После этих событий связи Калмыцкого ханства с Тибетом прервались на многие годы. В 1714 г. при личной встрече с цинским послом Тулишэнем хан Аюка сокрушался по поводу невозможности проехать его людям в Тибет: «Как пресекается свободной проезд южными землями, то его люди с того времени в западной Дзан ездить не могут, и он уже никаких оттуда лекарств не получает» [Русско-китайские... 1978: 472].

Таким образом, мы видим, что смерть Галдан Бошогту-хана и провозглашение Далай-ламы VI в 1697 г., приезд в Лхасу миссии Арабджура — все эти события, подобно звеньям одной цепи, подвигли к активизации тибетско-калмыцких переговоров на рубеже XVII–XVIII вв., целью которых было возможное переселение волжских калмыков на территорию Кукунора для защиты Тибета от маньчжурской агрессии. Главным идеологом этого тайного соглашения, несомненно, был *дэси* Сангье Гьяцо, который от лица молодого Далай-ламы VI вел всю внешнюю политику государства. Наделение буддийским духовенством Аюки ханским титулом должно было для него по-

служить дополнительным стимулом в скорейшей реализации этой идеи. Также это открывало перед Аюкой перспективу стать во главе единого ойратского государства.

Но главным препятствием в реализации этой идеи, конечно, оставалось отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выразившиеся в массовом отходе калмыков на Дон. Именно эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты уходить на восток не давали Аюке принять решение об уходе из России. По всей видимости, идею возвращения на историческую родину, главным вдохновителем которой, несомненно, был Санджаб, в конечном итоге подхватили его старшие сыновья. Конфликт 1701 г. был вызван также и борьбой за власть в правящей ханской семье, что, по мнению М. М. Батмаева, выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота» [Батмаев 1977: 49]. Но в дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты, которая была категорически против ухода на восток. Отсутствие у мятежников конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и ушли в Джунгарию. При этом, по всей вероятности, конечной их целью были не джунгарские хребты, а священные для буддистов высокогорные районы Тибета.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 34–53.

Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 372 с.

- Беспрозванных Е. Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 354 с.
- Борджигид Дорги.* О местопребывании и деятельности тайджи Арабджура после принятия им подданства цинской династии // Мат-лы Межд. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 154–158.
- Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.
- История Хо-Урлюка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста, КИГИ РАН, 2016. С. 13–48.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.
- Русско-дзунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. Т. 1 / сост. Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. М.: Наука, 1978. 702 с.
- Солощева М. А.* Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 221 с.
- Sources**
- RGADA – *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].
- References**
- Bakunin V. M. *Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torghutского, i postupkov ih hanov i vladel'cev* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torghut people, and deeds of their khans and landlords]. Elista, Kalm. Book Publ., 1995, 153 p. (In Russ.).
- Batmaev M. M. *Vnutrennjaja obstanovka v kalmyckom hanstve v konce XVII v.* [Internal situation in the Kalmyk Khanate during the late 17th century]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh i kapitalisticheskikh otnoshenij v Kalmykii* [Glimpses of the history of pre-capitalist and capitalist relations in Kalmykia]. Elista, Publ. Dept of Kalm. Research Inst. of Language, Literature and History, 1977, pp. 34–53 (In Russ.).
- Besprozvannykh E. L. *Kalmycko-kitajskie otnoshenija v XVIII veke* [Kalmyk-Chinese relations in the 18th century]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2008, 372 p. (In Russ.).
- Besprozvannykh E. L. *Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII–XVIII vv.* [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations during the 17th-18th cc.]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2001, 354 p. (In Russ.).
- Bordzhigid Dorgi. *O mestoprebyvanii i dejatel'nosti tajdzhii Arabdzhura posle prinjatija im poddanstva cinskoj dinastii* [On the whereabouts and activities of taji Arabjur after his changing allegiance to the Qing dynasty]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Edinaja Kalmykija v edinoj Rossii: cherez veka v budushhee», posvjashhennoj 400-letiju dobrovol'nogo vhozhdenija kalmyckogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentjabrja 2009 g.). V dvuh chastjah. Chast' 1* [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future – Proc. of the Internat. conference celebrating the 400th anniversary of the Kalmyk people's oaths of allegiance to (joining) the Russian state (Elista, 13-18 September 2009). In two parts. Part 1]. Elista, Dzhangar Publ., 2009, pp. 154–158 (In Russ.).
- Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoj dinastii Cin v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v* [Policies of the Manchu Qing dynasty in Southern and Northern Mongolia during the 17th century]. M, Nauka Publ., 1974, 196 p. (In Russ.).
- Istorija Ho-Urljuka* [The history of Kho Orluk]. *Pis'mennye pamjatniki po istorii ojratov XVII–XVIII vekov: sbornik / Sost., perev. so staropis'm. mong., translit. i komment. Sanchirova V.P.* [17th-18th century written sources on the history of the Oirats. Comp., translit., translit. and comment. by V.P. Sanchirov]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2016, pp. 13–48 (In Russ.).
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. *Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of Tibet from the ancient times to the present days]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 351 p. (In Russ.).
- Pagsam-Dzhonsan: istorija i hronologija Tibeta / Per. s tibetskogo jazyka, predislovie, kommentarij R.E. Pubaeva* [Pagsam-Dzhonsan (*dpag bsam ljon bzang*): history and chronology of Tibet. Transl., comment. and foreword by R.E. Pubaev]. Novosibirsk, Nauka Publ. (Siberian branch), 1991, 264 p. (In Russ.).

- Russko-dzhungarskie otnoshenija (konec XVII – 60-e gg. XVIII vv.). Dokumenty i izvlechenija* [Russian-Dzungar relations (the late 17th cent. – 1760s). Documents and excerpts]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006, 360 p. (In Russ.).
- Russko-kitajskie otnoshenija v XVIII v.: materialy i dok. T. 1 / sost. N.F. Demidova i V.S. Mjasnikov* [Russian-Chinese relations in the 18th cent.: materials and documents. Vol.1. Comp. by N.F. Demidova and V.S. Myasnikov]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 702 p. (In Russ.).
- Solosheva M. A. *Politika imperii Tsin v otnoshenii Tibeta v period pravlenija imperatora Junchzhena (1723–1735 gg.). Dissert. na soisk... kand. ist. nauk* [Tibetan policies of the Qing Empire during the reign of the Yongzheng Emperor (1723-1735). A Ph.D. thesis]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Univ. Press, 2014, 221 p. (In Russ.).
- Тепкеев В. Т., Натсагдорж Тс. *Kalmyckoe pis'mo 1685 g. kak odno rannih pis'mennyh svidetel'stv hana Ajuki* [A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan]. Mongolovedenie: sbornik nauchnyh statej (Mongol Studies: a collection of scholarly articles), iss. 8, Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016, pp. 15–12 (In Russ.).

УДК 94(47)

КАЛМЫЦКО-ТИБЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Владимир Петрович Санчиров²

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tv75@mail.com.

² кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kigiran@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается одна из кульминационных страниц в истории тибетско-калмыцких отношений на рубеже XVII–XVIII вв. Приход к власти в Тибете Далай-ламы VI в 1697 г. по стечению обстоятельств совпал с активизацией внешних контактов тибетской администрации с калмыцким ханом Аюкой. Дошедшие до нас многочисленные источники не дают внятного ответа на вопрос, чем же конкретно были вызваны эти контакты и столь срочное наделение ханским титулом и печатью калмыцкого правителя. Однако причины и тяжелые последствия, связанные с судьбой Далай-ламы VI и его регента Сангье Гьяцо, отчетливо показывают в какую сторону был направлен вектор развития тибетско-калмыцких отношений в указанный период.

Ключевые слова: Тибет, калмыки, Аюка, Далай-лама VI, Джунгария, Калмыцкое ханство, тибетско-калмыцкие отношения.